

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕСТАКТНОСТЬ

(Слово. Рочник первый. Числа 1, 2. Львов 1861 г.)

Мы не знаем, дойдет ли наша статья до сведения галицийских малороссов; если не дойдет, она будет написана напрасно, потому что собственно для них только мы пишем ее, пишем с самым искренним сочувствием к ним, с самым живейшим желанием блага им.

Да и как могли бы мы не сочувствовать им? Галицийские малороссы, или, как они себя называют, русины, отличаются всеми свойствами, общими целому малорусскому племени. А если есть племена, могущие к себе привлекать симпатию больше, чем другие племена, то именно малороссы — одно из племен наиболее симпатичных. Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи — все соединяется в этом народе, чтобы очаровывать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии. (А их положение! Это племя по преимуществу — племя поселян, доля которых тяжела. Их патриотизм чист от помысла о порабощении других; они желают лишь того, чтобы им самим было легче жить на вольном свете: никакое другое племя не хотят они подчинять себе или обижать). Нельзя не сочувствовать им.

Но пусть же они, не оскорбляясь, выслушают мысли, быть может, щекотливые для них, но высказываемые только из желания успеха их стремлениям.

Перед нами лежат два первые номера львовского «Слова», газеты, называющей себя органом галицийских малороссов¹. Мы не можем знать, все ли галицийские малороссы хотят признавать своим органом эту газету, но она, очевидно, издается людьми, убежденными, что за ними стоит, по одной с ними дороге пойдет все русинское племя. Самая возможность такой мысли их доказывает, что людей, сочувствующих им, между русинами очень

много. Если они и не представители всего племени, они во всяком случае — представители сильной и, вероятно, самой сильной между русинами партии. Мы судим о ней только по двум первым номерам газеты. Следующим номерам не случилось дойти до нас. Мы хотели бы думать, что материал, представляемый этими двумя первыми номерами, недостаточен для того, чтобы судить о партии, имеющей своим органом «Слово», но, к сожалению, мы только «хотели бы» и не можем думать так: слишком выразительно определился политический такт этой партии в первых двух номерах ее газеты. Каждое наше слово о ней будет основываться на выписках из этих двух номеров.

О языке, которым писана газета, мы не желали бы судить: мы слишком плохие знатоки в этом деле. Но спрашиваем у кого угодно, слышавшего малорусскую речь, имеют ли хотя малейшее сходство с ней, например, следующие фразы: «благослови нас на дело, на добрый подвиг духа, да соблюдаем веру и отечество»; «честно служивший богу своим словом»; «для которого в неприязненных обстоятельствах погасло»; «все силы нашего духа, все стремление ума»? Эти фразы все взяты нами с одной первой страницы первого номера, и много можно было бы набрать в ней других точно таких же. Разве это — малорусский язык? Это язык, которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде, а не в Киеве или Львове. Львовское «Слово» основывает свои права и надежды на том, что малорусское племя — племя из 15 миллионов человек. Зачем же говорить о племенном единстве ломаным языком, каким никто не пишет нигде, кроме Львова? Наши малороссы уже выработали себе литературный язык несравненно лучший: зачем отделяться от них? разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим наречием? Но если так, вы — уже не малороссы: вы, как лужичане, — отдельное племя. Но если так, вас только 3 миллиона, и вы не можете удержать своей народности. Что за странные люди! воодушевляются мыслью о своей национальности и хотят дробить свое племя на мелкие части без всякой надобности.

И если б это относилось еще только к одному вопросу о литературном языке, — нет, львовское «Слово», не колеблясь, обнаруживает такую же мысль и относительно политической жизни племени. Переводим первую статью 1-го номера «Слова»; озаглавленную «Наша программа».

«Нашу программу мы выскажем открыто и искренно в следующих словах:

Мы существуем как русины и, как русины, имеем свое особенное происхождение, обычаи, язык и веру. Все это нам осталось заветным наследием от святых предков; все это мы любим с таким жаром, что готовы пожертвовать за это нашу кровь до последней капли. Таково уже от природы наше русское сердце».

«Такова же и душа наша» (вот к чему приводит прегензия создавать свое особенное литературное наречие из смеси местного народного говора с литературным языком других племен, в настоящем случае великорусского племени, — не довольствуясь уже готовым литературным языком, выработавшимся у большинства малорусского племени; «сердце» народа выходит чем-то особенным от «души» народа). «Такова же и душа наша, потому что мысли в ней чисты и здравы. Мы смотрим на свою страну, как на провинцию Австрийской империи. Этою империею владеет государь, которому мы верны не по одной привычке, но и по здравому размышлению». Заметим это: русины объявляют, или, лучше сказать, львовское «Слово» объявляет от имени русинов, что они не хотят соединиться с другими малороссами, что они верные защитники Австрийской империи. К чему же говорить о национальности, если не хочешь национального единства? Мы понимаем, что не всякое стремление можно обнаруживать в данном положении. Но если внешняя необходимость заставляет отлагать на время какую-нибудь заветную мысль, то никто не заставит же человека провозглашать противоположный догмат. Молчание мы поняли бы; но не понимаем, что такое и к чему говорит львовское «Слово» о своем чувстве к Австрийской империи, или, лучше сказать, не понимаем, зачем же при таком чувстве издается «Слово»: подобные чувства гораздо лучше излагаются на немецком языке. Но «Слово» продолжает развивать свою мысль, подкрепляет ее доказательствами. «Верная история галицко-русского народа показывает нам, что, потеряв самостоятельность, Русь» (то есть Малороссия) «в течение четырех веков теряла свою народность и утрачивала, наконец, ясное сознание о себе. Она оживилась уже при правительстве, более беспристрастном, каким оказалось для ней правительстве австрийское». Кажется, ясно: львовское «Слово» предпочитает австрийцев полякам; поляки в течение 400 лет угнетали малорусскую народность в Галиции, а под австрийскую властью она воскресла. Прошлых отношений поляков к малороссам мы не станем разбирать, потому что нынешним людям в своих чувствах и действиях надобно руководиться не прадедовскими отношениями, а нынешними своими надобностями; иначе бретонцу следовало бы ненавидеть французов, которые когда-то угнетали бретонцев. Но неужели австрийские немцы — такие надежные покровители русинской национальности? Разве не высказывают они теперь совершенно ясно, что все народности Австрийской империи хотят подчинить немецкому элементу, и разве не было это всегда коренным принципом австрийской политики? Странные люди! Из-за воспоминаний о старине проникаются они преданностью к нынешнему общему неприятелю их и старинных их неприятелей, не могущих быть вредными для них теперь, ищущих союза с ними для общей пользы. Но львовское «Слово» твердо стоит на старине. «Так учит нас история, так говорит в каждой

малорусской хате верное предание народа». Мало ли что говорит народное предание! — Зачем же и существуют на свете просвещенные патриоты, как не затем, чтобы помогать народу действовать по рассудку, по настоящей надобности, а не по старинным преданиям, не имеющим никакой пригодности для настоящего? В наших, например, преданиях враги русских — татары: что же, мы и должны основывать свою национальную программу на вражде к татарам, которые давным-давно перестали делать нам вред? У французов, например, народное предание провозглашает непримиримую вражду к «злому англичанину, опустошающему Францию», то есть к англичанину времен разных Эдуардов². Что же, просвещенные французы должны провозглашать крестовый поход на англичан? По программе львовского «Слова» выходит так; и оно, не колеблясь, говорит: «кто думал бы иначе, тот излечится от своего заблуждения на Руси», то есть в малорусской части Галиции. Да, Меттерних совершенно одобрил бы этот взгляд. Впрочем, ведь Меттерних, вероятно, был друг русинов: так надобно полагать по отзыву львовского «Слова» об австрийском правительстве.

Но продолжаем читать программу.

«Далее, мы признаем и верим, что люди, создание божие, вообще добры. Мы — оптимисты. Но не доводим веры нашей в человеческую доброту до того, чтобы не признавать, что у отдельных лиц есть свои предрассудки, преувеличенное самолюбие и, быть может, коварные цели. Щадя, как следует, человеческое достоинство каждого отдельного лица, а тем больше народа, мы готовы беспощадно опровергать предрассудки и человеческие ошибки, где бы их ни встретили. Потому что мы хотим мира и тишины в нашей стране, а там их нет, где предрассудки.

Дальше, мы признаем и убеждены, что русскому (русинскому) народу нужно больше просвещения. Все силы нашего духа, все стремление ума и мыслей мы посвящаем добросовестно, бескорыстно, распространению народного образования. Но мы издаем политическую газету для более просвещенной части народа, потому наша деятельность тут есть и будет преимущественно посредническая. От почтенных наших корреспондентов, живущих большей частью в непосредственном сношении с народом, будет преимущественно зависеть то, чтобы придавать нашему «Слову» слог и язык, как можно более понятный народу». — Все это так. Но должно смотреть, кто может, а кто никак не может быть надежным союзником в заботах о народном просвещении. Мы боимся, что некоторые из следующих статей львовского «Слова» внушены излишнею надеждою на такие общественные элементы, которые ни в каком случае не будут полезны для народного образования. Мы боимся также, что львовское «Слово» по старинным воспоминаниям смотрит слишком враждебно на другие силы, которые теперь искренно готовы содействовать развитию

просвещения между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское «Слово» врагам русинского племени и не отталкивает ли от себя его нынешних союзников. Надобно смотреть на живые отношения и надобности каждой партии или народности, а не действовать по одному примеру предков, обстоятельства которых были совершенно иные. Продолжаем читать программу.

«Наконец, мы объявляем, что в многовековом международном * споре, который открыто или не открыто ведется в нашей стране, названной Галициею по имени русского города³, в этом споре мы стоим решительно на стороне Руси» (русинской национальности). «Ничего иного не могут требовать от нас, русинов, и самые противники». Что русинская газета стоит за русинов, этому, конечно, так и должно быть. Но мы не находим политического такта в том, что редакция львовского «Слова» спешит упоминать о международном споре в Галиции, как будто основывается именно для этого спора. Вопрос мог быть поставлен гораздо полезнейшим для русинского народа способом: имеет ли этот спор двух народностей в Галиции такую первостепенную важность, какая придается ему с одной стороны предрассудками (ведь львовское «Слово» хочет бороться против предрассудков!), а с другой стороны — людьми, для которых выгодно раздувать в каждой части Австрийской империи вражду народностей, чтобы держагь каждую народность в угнетении силою другой народности? Меттерниховская система вооружала венгров на кроатов и сербов, а сербов и кроатов на венгров. Для какой национальности было полезно то, что она поддалась тактике Меттерниха? Много ли выиграли, например, кроаты и австрийские сербы тем, что защищали австрийцев против венгров? Мы полагаем, что львовскому «Слову» следует внимательнее подумать об этом, чтобы не быть увлечену к способу действий, который может нанести очень много вреда нерусинскому населению Галиции, но ровно столько же повредил бы и русинскому племени. Следовало бы «Слову» повнимательнее подумать также, надобно ли считать за спор между национальностями тот спор, в который оно бросается с такой готовностью, и который понимает оно как спор национальностей? Очень может быть, что при точнейшем рассмотрении живых отношений львовское «Слово» увидело бы в основании дела вопрос, совершенно чуждый племенному вопросу, — вопрос сословный. Очень может быть, что оно увидело бы и на той, и на другой стороне и русинов, и поляков, — людей разного племени, но одинакового общественного положения. Мы не полагаем, чтобы польский мужик был враждебен облегчению повинностей и вообще быта русинских поселян. Мы не полагаем, чтобы чувства землевладельца русинского племени по этому делу много отличались

* Надо понимать: межнациональном (то есть речь идет о споре между русинами и поляками). — *Ред.*

от чувств польских землевладельцев. Если мы не ошибаемся, корень галицийского спора находится в сословных, а не в племенных отношениях. И если мы не ошибаемся, та сословная партия, которая представляется львовскому «Слову» враждебной к русинской национальности, не имеет собственно к этой национальности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партия к чрезвычайно большим уступкам в пользу поселян как польского, точно так же и русинского племени. Вот об этом-то и не мешало бы подумать львовскому «Слову». Быть может, уступки, на которые искренно готовы люди, кажущиеся ему врагами, — быть может, эти уступки так велики, что совершенно удовлетворили бы русинских поселян; а во всяком случае, несомненно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вернее всего, что могут получить русинские поселяне от австрийцев. Впрочем, мы еще будем иметь надобность возвратиться к этому основному галицийскому вопросу по поводу следующих статей «Слова».

Мы перевели программу львовского «Слова» вполне, кроме только последних строк ее, относящихся к условиям подписки и т. п. За программю следует статья, напечатанная с такою же широкою расставкою строк, как и самая программа: внешний вид показывает, что эта вторая статья — тоже капитальная, руководящая статья.

[Вот она.

День святого Григория Богослова текущего года показал новорожденное дитя наше, русинское «Слово», нашей матери Руси (русинской Галиции. Первый номер львовского «Слова» действительно вышел 25 января, в день святого Григория Богослова).

В этом обстоятельстве так много для нас приятных, очаровательных чувств и мыслей, что пусть никто нас не осудит, если мы с некоторою гордостью скажем, что рождение нашего дитяти было очень счастливо (почему же это так? Что такое за особенный для русинского племени день — 25 число января, память св. Григория Богослова? Разве св. Григорий Богослов патрон русинов, как св. Марк — патрон венециан? — Нет, дело относится не к св. Григорию Богослову, а к — но читайте дальше, сами увидите, к кому):

Добрый пастырь великого галицко-русского стада совершает ныне светлый праздник своего теозоменитства; благочестивая русинская страна высылает к небесам искреннейшие молитвы о многолетии пастыря-любимца; — как же приятно новорожденному дитяти явиться в скромных хатах русинских в такой день, в день всенародного ликования и молитвы!

Прими, добрый наш народ, новорожденного этого искренно русским сердцем, проси ему хорошего роста, доброго счастья и чистой души в своих молитвах у бога! Молитвы православных доходят до господа, и он, который *в начале бе слово*, разверзет уста наши, и русины услышат свое слово.

А ты, князь архипастырь русинов, благослови нас на дело, на добрый подвиг духа, да соблюдаем веру и отечество! Святитель, имя которого ты носишь, честно служивший богу своим словом, испросит твоему благословиению освящение свыше, и дело людей божиих будет успешно. Зашумит, разнесется по русинской земле освященное твоим благословением родное наше слово и, слово будет спасением, а спасение — просвещением людей.

Мы же приносим тебе, наш первоверховный, в день твоего ангела, прекраснейшие дары благородных сердец: любовь и полное доверие твоей справедливости, — и желаем тебе, как всегда, так особенно ныне, благоденствия, бодрых сил и чистой славы на много лет.

Мы не знаем прошлой деятельности высокопреосвященного Григория, архипастыря православных русинов, и с удовольствием готовы предположить, что деятельностью своею он вполне заслужил безграничное уважение, какое высказывается к нему в этой статье. Положим, что высокопреосвященный Григорий, или, как называется он в других статьях львовского «Слова», квр Григорий, — ревностнейший покровитель и заступник русинской народности; положим, что благо русинского народа безусловно предпочитает он всем земным почестям и самому спокойствию своих лет, конечно, преклонных. Но мы все-таки не можем не сказать русинам, что напрасно вмешивать архипастыря в то дело, органом которого хочет быть львовское «Слово». Это дело мирское, чуждое прямых священных обязанностей архипастыря и отчасти не согласное с ними. Архипастырь должен проповедовать любовь к врагам и христианское смирение. Львовское «Слово» основано для борьбы с противниками русинского народа. Оно теперь видит этих противников в поляках: но в ком бы оно ни увидело их по более здравом рассмотрении дела, — в поляках ли, в австрийцах ли, в некоторой ли части самих русинов — все равно, оно, конечно, не откажется от борьбы с врагами русинского народа; а враги у русинского народа, без сомнения, есть, потому что в мирских делах без вражды никогда не обходится. Каково же должно быть отношение архипастыря к этому мирскому делу, соединенному с враждой? По обязанности своего сана он должен «благословлять, а не проклинать»; начав бороться против врагов русинского народа по мирским делам, он изменил бы обязанности своего сана. Мы не полагаем, чтобы русины захотели подвергать своего любимого пастыря справедливому нареканию.

В чем состоит главный упрек католическому духовенству? В том, что оно, забывая о прямых своих обязанностях, вмешивается в мирские дела, в борьбу политических партий. Львовское «Слово» поступает неразумно, взывая к православному архипастырю своему, чтобы он последовал дурному примеру католических кардиналов и прелатов. Как бы то ни было, львовское «Слово» — орган политической партии. Желая иметь квр Григория своим руководителем, оно хочет сделать его предводителем политической партии. Согласиться на такое желание высокопреосвященному Григорию значило бы повредить интересам православной церкви в Галиции, как вредят интересам католической церкви французские, итальянские и немецкие епископы, делающиеся предводителями одной из политических партий. Они восстанавливают против себя другие партии; а легок и неизбежен

переход чувства с известного лица на звание этого лица и потом на самое дело, которому служит это звание. От вражды к католическому епископу, как предводителю политической партии, начинают враждовать католики против него, как католического епископа, а потом и против самой католической церкви. Неужели львовское «Слово» хочет подвергнуть этой судьбе православие в Галиции?

Могут сказать: «православие в Галиции подвергается притеснениям уже и теперь, — значит, проигрыша не будет». Но если оно действительно подвергается притеснениям, это значит, что православное духовенство в Галиции до известной степени вмешивалось в мирские раздоры, потому что иначе не было ни у каких иноверцев охоты к мирскому преследованию православия; если православие в Галиции стесняется, оно наверное избавится от всяких мирских стеснений, когда православное духовенство не будет вмешиваться в политические дела: а вызывать православное духовенство к сильнейшему участию в этих делах, как делает львовское «Слово», значит возбуждать сильнейшие мирские гонения на православие. Пусть львовское «Слово» хорошенько подумает об этом. Если бы не были мы уверены, что оно делает это только по нерассудительности, мы предположили бы тут коварную махинацию австрийских иезуитов, переодетых в приверженцев высокопреосвященного квр Григория с целью повредить и ему и православию. Иезуиты часто поступали таким образом, — прикидывались друзьями иноверцев, чтобы вовлечь их в гибельные ошибки. В каком восторге должна быть папская курия и вся иезуитская партия, читая статью «Слова», нами переведенную! Какой прекрасный повод разжигать поляков против православия подает иезуитам эта статья!

От интересов православия в Галиции обращаясь к мирским выгодам русинского народа, мы точно так же находим способ действий львовского «Слова» прямо вредным для целей, которые оно себе ставит. Руководителями в каждом деле должны быть те люди, которые наиболее способны управлять этим делом успешно, хорошо знают его и могут ставить его главною задачею своих мыслей и усилий. Но политика никогда, конечно, не была и не будет специальностью русинского первосвященника. Если он — пастырь достойный, в чем мы уверены, он не имел времени заняться изучением предметов, чрезвычайно многосложных и посторонних для него. Епископ не чиновник, не юрист, не политико-эконом, не сельский хозяин, не газетчик. У него есть другое занятие, требующее всех его сил. Он изучал православное богословие, а не юриспруденцию и не политическую тактику. К роли, которую неприлично для него занимать, к роли политического человека, он и не подготовлен. Поэтому он скорее всякого другого предводителя политической партии будет обманут хитростями противников и скорее всякого другого наделает ошибок в выборе

средств. Словом сказать, если бы высокопреосвященный квр Григорий, увлеченный ошибочными просьбами львовского «Слова» и согласился принять предлагаемое ему предводительство политической партией, эта его решимость, не согласная с пользами православия, была бы вредна и для мирских выгод русинского народа].

О мирских делах надобно заботиться мирским людям. Русинские поселяне не могут ожидать или требовать, чтобы православное духовенство распахивало их поля; русинские православные торговцы не ожидают и не требуют, чтобы оно управляло их коммерческими оборотами. Точно так же вообще все русинские миряне сами должны заботиться о своих общих мирских интересах, не желая и не требуя, чтобы православное русинское духовенство исполняло за них это дело, которым по самому своему званию оно не должно заниматься, к успешному занятию которым оно не приготовлено и заниматься которым оно не может без вреда для русинского народа.

На это могут возразить, что, кроме православного духовенства, слишком мало в русинском народе людей, которые по своей образованности были бы в состоянии послужить адвокатами народу при защите его мирских интересов в литературе, администрации и на провинциальном сейме. Мы не желали бы слышать такого возражения, потому что оно только свидетельствовало бы против своевременности и возможности дела, предпринимаемого львовским «Словом». Если в племени слишком мало людей, которые могли бы быть журналистами, администраторами, ораторами, этому племени еще рано думать о политической роли, это племя еще слишком неразвито, и, задумав играть самостоятельную политическую роль, оно только впало бы в руки интриганов, которые воспользовались бы его простотою для того, чтобы с одинаковым вредом для него и для всех других племен отстоять существующие злоупотребления и стеснения против более просвещенных стремлений других, более развитых племен. Мы не желали бы предполагать такое состояние у галицийских русинов. Если львовское «Слово» хочет вручить ходатайство по мирским делам русинского племени православному духовенству за недостатком других защитников русинам из русинов же, то, значит, сами русины еще не в состоянии понимать своих интересов, то есть еще и неспособны к политической борьбе. А начинать борьбу, к которой неспособен, значит поступать во вред себе. Когда отдельный человек неспособен понимать и защищать свои интересы, он может ожидать пользы для себя только от человеческой справедливости близких к нему людей, а не от борьбы с ними, потому что неспособен вести ее; он должен приобретать их дружбу готовностью помогать им. Точно таков же путь, предписываемый здравым смыслом целому племени, находящемуся в подобном положении. Если оно так неразвито, что не находит

в своей среде хороших предводителей, людей знающих и не могущих изменить ему, оно не может ждать себе пользы от борьбы с другими племенами; оно должно искать дружбы с ними, которая одна может оградить его интересы. Конечно, такое положение не принадлежит к наилучшим на свете; конечно, гораздо приятнее не нуждаться ни в ком, иметь в самом себе все залогом, все элементы, нужные для собственного блага. Потому мы и сказали, что не желали бы слышать возражения, неминуемо ведущего к таким замечаниям. Мы желаем думать, что галицийские русины понимают и могут сами защитить свои интересы. Но тактика львовского «Слова» противоречит такому предположению. Мы желали бы не признавать эту газету представительницею русинского племени: к сожалению, мы не имеем данных, чтобы отвергнуть эту ее претензию. И мы с прискорбием должны сказать, что пока сами русины не опровергнут претензию львовского «Слова», никто из желающих добра им не в силах будет предсказать им ничего хорошего для них, если хоть сколько-нибудь понимает ход исторических дел.

Этот вывод, печальный для нас, желающих русинам всего доброго без всяких оговорок и исключений, — этот вывод все сильнее и сильнее будет подтверждаться по мере того, как мы будем пересматривать следующие статьи львовского «Слова». [Две первые мы перевели] целиком; остальные мы имеем право обозреть коротко, указывая лишь главные мысли их.

За мольбою к высокопреосвященному квр Григорию следует в № 1 «Слова» статья «Русинская Галиция и ее отношение к соседям». Начинается она описанием радости русинов при появлении возможности иметь газету на своем языке, — это натурально; но мы желали бы знать, подумала ли редакция «Слова» о том, к кому должна относить она упрек свой за прежнюю невозможность говорить с русинами на их родном языке? «Были люди (говорит львовское «Слово»), которые уже потирали себе руки при мысли, что русинский язык пропадает», — эти люди предаются в русинской газете проклятию, наравне с Иудою искаротским. Хорошо. Но кто же не позволял русинам до нынешнего года издавать газет на русинском языке? Чье согласие нужно на это? Чье несогласие до сих пор мешало изданию такой газеты? Подумав об этом, видишь совершенную несообразность в словах, следующих за упоминанием об Иуде искаротском, — в словах о том, что «некоторые соседи хоронили русинский язык». Какие тут соседи были виноваты? Дело зависело от Вены. За укоризною, обращенною, как нам кажется, совершенно не в ту сторону, в какую велит обратить ее здравый смысл, следует самовосхваление с целью доказать, что русины имеют право уважать себя не менее других племен. Хорошо; на чем же основывает львовское «Слово» права русинов? «Они защищали Западную Европу от татар». Это — неправда. С татарами галицийские русины

боролись очень мало, меньше литовцев и чуть ли не меньше поляков. С татарами боролись восточные малороссы, от которых львовское «Слово» отделяет русинов. Что-нибудь одно из двух: или выставляйте себя только частью великого малорусского племени, каковы и на самом деле вы, или не присваивайте себе заслуг, сделанных теми частями вашего племени, от единства с которыми вы отказываетесь по вашей программе. Но львовское «Слово» не видит несообразности в своих статьях, провозглашающих отдельность русинской Галиции от остальной Малороссии и ставящих в заслугу русинам то, что сделано другими малороссами. Оно продолжает: «малороссы любили просвещение, когда поляки были еще варварами. «Слово о полку Игореве» (что ж, это галицийская поэма?) не заставляет ли мыслящего человека удивляться высокой степени, до какой уже достигала тогда малорусская литература? Письменные договоры, относящиеся еще к языческим временам, не говорят ли о политической жизни Руси и ее влиянии на соседние народы?» Нимало не говорят, потому что англичане или нынешние русские заключают точно так же письменные договоры с дикарями, не имеющими даже грамоты; так и греки могли заключать письменные договоры с Русью, хотя бы Русь была тогда племенем совершенно варварским.

Но не в том дело: положим, что и правду говорит львовское «Слово», будто «ныне целая Европа удивляется плодам нашей старинной литературы», — то есть «Слову о полку Игореве», летописи Нестора и договорам Олега и Игоря с греками; — пусть она удивляется им, хотя она нимало и не думает о том; пусть эти «дивные», по мнению львовского «Слова», плоды и принадлежат галицийским русинам, хотя принадлежат вовсе не тому отделу малорусского племени, который живет в Галиции и отвергает в львовском «Слове» свое единство с другими малороссами; что ж из всего этого? Какие права в настоящем могут основываться на фактах X или XII столетия? Трактаты 1815 года отвергаются теми народами, нынешним потребностям которых не удовлетворяют⁴, а вы хотите опираться на договор Игоря с греками. Это странно до крайности. Такие доводы могут употреблять лишь люди, совершенно лишенные политического знания, люди, которые будут по своей неопытности и наивности игрушками в руках интриганов. Политические права племени основываются на его живых отношениях. Вы хотите писать по-русински? Прекрасно; если вы умеете писать, вам не нужно никаких других доводов: вам нужно это, вам приятно это, — чего же больше? Вы имеете на то полное право. На Олега и Нестора ссылаться тут смешно. Будет ли иметь успех ваше желание? — Это зависит от того, будете ли вы иметь публику. Если в русинском племени есть достаточное число людей, у которых уже развилась потребность читать газеты, вы будете иметь успех теперь же (когда сумеете писать для них дельные и полезные вещи). Если нет, Нестор и Игорь

вам не помогут, — у вас нет публики, вы должны еще позаботиться о том, чтобы научить ваших соплеменников искусству чтения. Тут важность не в доказывании удивительных достоинств старинной вашей литературы, а в нынешней степени просвещения у вашего племени.

«Но есть люди, доказывающие, что русинское наречие способно иметь литературу: это — враги наши». Конечно, пока вы не будете иметь многочисленной публики, многие будут сомневаться в полезности и практичности ваших попыток издавать русинские газеты, особенно если вы будете писать ломаным языком, каким пишете теперь, смесью местного галицийского наречия с нашим литературным и с церковно-славянским языками. Но такое сомнение еще вовсе не означает вражды к вам. Вот мы, например, безусловно желаем вам всего хорошего, а в полезности вашей газеты тоже сомневаемся очень сильно. Или даже и не сомневаемся, а совершенно уверены, что вы идете по ложному пути. Зачем вы придумываете себе особенное ломаное наречие, отделяетесь от общей малорусской литературы? Одна галицийская часть малороссов так мала, что не в состоянии иметь своей отдельной порядочной литературы, как не может иметь своей отдельной порядочной литературы Костромская губерния или Дорсетширское графство, Тироль или Люблинское воеводство. Эти маленькие части больших народностей что-нибудь значат в чем бы то ни было — в литературе ли, в политической ли жизни — только тогда, когда держатся в одном целом с остальными частями своего народа.

А впрочем, не напрасно ли мы с вами и рассуждали о том, на каких доводах должно опираться право русинского народа иметь родную литературу? Нужно ли вам перед кем-нибудь доказывать это право? Разве кто-нибудь отрицает его? Вы горячитесь против поляков: ведь они-то и названы у вас иудами искаротскими, желающими погубить вашу русинскую литературу. Но ведь они вовсе этого не желают; напротив, сами вы свидетельствуете, что они готовы ободрять людей, пишущих для русинского народа на его языке. Вот ваши собственные слова: «мы смеемся над покровительством, под которое принимают нас польские львовские газеты», — хорошо ли вы делаете, что смеетесь, об этом после; а теперь пока заметим одно: вы сами засвидетельствовали, что польские газеты готовы сочувствовать развитию литературы на малорусском языке. Откуда же вы взяли, что поляки враждебны к ней? Этого нет.

А если польские газеты оставались недовольны направлением некоторых русинских изданий и, вероятно, остались недовольны направлением львовского «Слова», это совершенно иное дело, не имеющее никакого отношения к вопросу о малорусской национальности. — Ведь и мы вот не хвалим же «Слово», хотя с поляками мы не хотим иметь ровно ничего общего, кроме того, что

имеем общего и с китайцами, и с англичанами, и со всякими другими народами. Порицая «Слово», мы вовсе не за то его порицаем, что оно пишется по-русински, а за то, что пишется оно в направлении, вредном для русинского народа. Вот и поляки не за то ли же порицали разные попытки русинских писателей? Тут дело не в языке, а в образе мыслей. Кто виноват, если мысли ваши неосновательны и слишком бессвязны? Конечно, не язык русинского народа. Пишите вы подобные вещи на каком хотите языке, на польском ли, на английском ли, на итальянском, все равно не похвалит вас никто из людей, понимающих дело, потому что народу, на языке которого станете писать, вы будете внушать чувства и мысли, вредные для этого народа, какой бы там он ни был. Разве и своих писателей всех хвалят поляки? Точно так же не всех, как не всех своих мы хвалим или не всех своих хвалят итальянцы, или англичане, или французы. Кто виноват в том, что выставляют себя руководителями русинов люди, которые не умеют ничего понять, не умеют ничего полезного своему народу сказать? Никто не виноват, кроме самих этих людей — ни Англия, ни Китай, ни Польша не виноваты в том; виновато в том лишь наивное заблуждение самих этих людей, вообразивших, что одного патриотического чувства, без политического образования и такта, довольно им для того, чтобы стать полезными для народа политическими предводителями. Нет, этого мало, как мало любви к человеку для того, чтобы лечить его. И любишь, да погубишь его своим лекарством, если не знаешь медицины.

Львовское «Слово» совершенно ошибается, воображая в поляках вражду против русинской национальности. Оно само засвидетельствовало, что поляки готовы сочувствовать русинской литературе. Но львовское «Слово» «смеется над покровительством», которое они хотят оказывать ей. Смешно или не смешно это «покровительство», все равно редакция «Слова» показывает совершенную бестактность, незнание первых правил общежития, провозглашая свой смех с первого же раза. Это грубо и неблагоприятно, только и всего. Поссориться успели бы вы и тогда, когда оказалась бы невозможность согласиться между собою. Зачем же оскорблять людей, которые хотят помогать вашему делу?

Но, видите ли, львовское «Слово» обиделось самим выражением сочувствия к нему, приняло эту симпатию за «покровительство» — и провозглашает: «Мы, слава богу, из пеленок уже выросли», — вот и причина отвергать содействие: поляки считают нас, русинов, младенцами, подумало львовское «Слово» и раздражилось. «Мы, слава богу, уже выросли из пеленок», — вот видите ли, если бы в предыдущих статьях не представили вы много доказательств своей младенческой неопытности и неразвитости, эта одна раздражительность и обидчивость уже засвидетельствовала бы, что вы — действительно не больше, как дети

в политических делах. Взрослые люди ни в ком не подозревают намерения считать их детьми — только несовершеннолетние очень подозрительны и обидчивы в этом отношении. Взрослый человек нимало и не думал еще выказывать чем-нибудь свое пренебрежение к мальчишке, а мальчишка уж думает: «ведь он считает меня мальчиком», — думает это и обижается, и с досады делает мальчишеские выходки.

Мы нимало не относим этих грустных слов ни вообще к русинам, ни вообще к русинским писателям, — наше замечание относится только к газете «Слово». Было бы тяжело предположить, что она в самом деле — представительница русинской национальности. Пусть просвещенные русинские патриоты поспешат взять дело из рук, в которых оно только компрометируется.

За статью «Русины и их отношения к соседям» следуют письма корреспондентов из разных мест. Первый корреспондент говорит, что русинская журналистика «должна твердо держаться, как аксиомы, того политического принципа, что только при Австрии и тесной с нею политической связи может Галицкая Русь с успехом» вести свое дело. Другой корреспондент мимоходом открывает, в ком имеет своих противников русинская литература. «Находясь, к несчастью, такие люди, которые, покинув прародительскую ниву, отрекшись от своей матери и родного слова, стали возделывать чужую ниву, отдались в опеку мачехе, и, стараясь войти к ней в милость, страшно враждуют ныне против своей кормилицы и всякими способами усиливаются отнять у ней сыновей, еще оставшихся верными ей. Но напрасны их усилия, — напрасны, потому что дело их противно божескому закону. Человек, отрекающийся от родной матери и родного слова и принимающий чужое слово для умственной жизни своей, враждует сам против себя и нарушает божеский закон». Что ж после этого сваливать вину на соседей, когда враги ваши — вовсе не соседи, а некоторые из ваших единоплеменников? Подобное положение было у нас при Сумарокове и даже при Карамзине. Некоторые русские отрекались от родного слова для французского языка и презирали русскую литературу, провозглашая, что на мужицком языке нельзя читать книг, а надобно читать на французском. Чем тут были виноваты французы? — Ни душой, ни телом. Чем же поправилось дело нашей литературы? Враждою ли против французов, бывших тут ровно ни при чем или даже хваливших тогдашние наши литературные попытки, например, трагедии Сумарокова? Поправилась наша литература просто тем, что хотя несколько распространилось у нас просвещение (при помощи французов же и других просвещенных наций). Мы видим, что само русинское племя делится на две разные партии: масса народа говорит на родном языке и любит его; некоторые русины стыдятся быть русинами и враждуют против родного языка. Вот спросили бы верные своей народности русины поляков, уважают

ли сами поляки таких отступников от русинской национальности и одобряют ли их. Вероятно, поляки смотрят на этих русинов-отступников точно так же, как французы смотрели на русских, презиравших русскую национальность: называют их попугаями. А сами поляки желают относиться к русинской национальности вовсе не так, как относятся эти жалкие люди: мы уже видели из самого «Слова», что поляки готовы содействовать ее развитию. Раздувая вражду против поляков, «Слово» не может, однакоже, скрыть этого факта. В конце 1-го нумера, наполненного выходками против мнимой вражды поляков, мы находим следующее место: «мы должны (говорит редакция львовского «Слова») благодарить польские газеты за братскую помощь, какую они принесли нам, поспешив объявлять о намерении нашем издавать русинскую газету. Польские газеты больше всего доставили нам средств уведомлять наших подпиечников о скором появлении «Слова». Хорошо: зачем же беспрестанно бранить тех, кого вы должны благодарить? Даже за отрывком, который у нас выписан, следует брань на поляков, и за что же? Как вы думаете? Одна из польских газет сказала, что львовское «Слово» будет печататься «русскими» буквами. Что ж, это — правда. Львовское «Слово» действительно печатается тем самым шрифтом, какой принят у нас в России. И какая обида в этом справедливом замечании польской газеты? Но львовское «Слово» обижается и бранится. Оно доказывает, что шрифт, употребляемый в России, заимствован нами, русскими, у русинов и потому должен называться не русским, а русинским. Удивительно! Мы того и ждем, что львовское «Слово» увидит обиду и злонамеренность во мнении нашем о единоплеменности галицийских русинов с остальными малороссами.

Не правда ли, довольно было бы и одного первого нумера львовского «Слова», чтобы составить очень точное и подробное суждение о несчастном направлении этой газеты? Да, мы могли бы и не пересматривать второго нумера: но так как он у нас под руками, то почему же не пересмотреть? Вот первая статья, самая большая, напечатанная крупным шрифтом, — руководящая статья. Заглавие у ней: «Симпатия или антипатия?» то есть русинов к полякам. Тут доказывается, что русинский народ должен ненавидеть поляков. За что же? Как вы полагаете? Больше всего за то, что поляки в Галиции носят «рогатые шапки», вроде тех, какие в моде у наших мужиков в некоторых губерниях: довольно высокая шапка, верх у которой не круглый, а четырехугольный. Эти шапки ясно выражают надменность поляков, их тайную мысль колоть своими рогами русинский народ. Краснень за русский или, если угодно львовскому «Слову», русинский шрифт, когда читаешь напечатанные им такие вещи. Как вы прикажете после этого думать о следующей затем корреспонденции, превозносящей терпимость русинского народа? Конечно, русинский

народ, подобно другим малороссам, умен и добр; но не имеют никакого права говорить от имени его люди, провозглашающие вражду к полякам за форму их шапок. Тем же духом странной ребяческой нетерпимости из-за вздора, глупейшего вздора, проникнут фельетон 2-го номера, заключающий в себе стихотворную «Сказку для детей о том, как буква Ъ отравила чорта в ад». Чорт тут выводится под именем «лихий», — это, видите, остроумный каламбур, указывающий на ляхов. Лихой (то есть лях) хотел похитить и съесть букву ъ; но буква ъ врезалась ему в грудь, начала терзать внутренности «лихого», то есть ляха, и низвергла его в ад. Хотите ли иметь понятие об этой нелепой чепухе? Извольте:

Сам один за всю азбуку
Готовился бедный Ъ
Русскую поднести (поднять) руку,
С Вельзевулом вести спор.
Жертволюбия чудесный
Ъ собов (собою) тут пример дал.
Дети! Ъ наш всегда честный,
Он за Русь целу страдал!
— Чорта в пекло (ад) тайна сила
Несла скоро стремголов (стремглав),
И куски роздерты (растерзанные) тела
Вновь слепилися смолов (смолой).
Вже до пекла чорт добылся (достиг).
Ух! — там ужасный огонь.
Чорт, прибывши, в нем обмылся,
Смертоносу хлипнул вонь, и т. д. и т. д.

Вот конец:

Вечно там (в аду) ему (чорту-ляху) сидети
— Словом божим он зачат, —
Мучитися и глядети,
Чи и другие терпят;
Все чорты (черти) ему подвластны
И все духове лихи (понимай: ляхи)
За дела их сладострастны,
За всю злобу и грехи...

А впрочем, нет, — это еще не конец. Обещано продолжение милой и умной сказки.

К № 2-му приложено особенное прибавление, предназначенное для русинских простолюдинов и напечатанное славянскими буквами. Тут объясняется простому народу образ действий, которого он должен держаться в настоящее время, когда императорским дипломом 20 октября пожалована свобода всем народам Австрийской империи⁵. По диплому этому учреждаются провинциальные сеймы, и львовское «Слово» внушает, каких депутатов должны русинские простолюдины выбирать на галицийский сейм. Объяснение начинается с того, что если русины не будут иметь на галицийском сейме сильных защитников, то пропадут от по-

ляков. «Мы попадемся в новую неволю» (говорит львовское «Слово» русинам). «Поляки могут вновь поработить нас, как поработали во время польской республики и разоряли наш народ». По этому случаю припоминается, в чем состояло прежнее поработение. «Когда Галицкое государство отдалось под власть короля польского, обещаны были русинам равные с поляками права и свободное исповедание христианской веры по греческому обряду. Но этого обещания польские правители не сдержали: скоро начали они вводить свое исповедание и признавать равные с правами польских панов права только за теми русскими паннами, которые приняли латинское исповедание. Таким образом, наши русские панны не только перешли в латинское исповедание, но и перестали быть русинами; русинская народность, потеряв своих сильнейших сыновей, долго не имела никаких заступников, кроме духовенства. Еще и теперь мы имеем множество богатейших панов, которые происхождения русинского, в которых течет чистая русинская кровь, но в которых нет ни русинского сердца, ни русинской мысли, которые, быть может, еще и враждебны своей матери, русинской народности. Русское сердце, привязанность к русской народности можно найти только в тех, которые держатся греческо-русского исповедания; но и между ними есть такие, которые больше дружат чужим, чем своим».

Разберем эти мысли и факты. Защитники и неприятели русинского простонародья различаются по исповеданию и языку: католики поляки — враги русинов, православные русины — друзья их. Так ли? — Но тут же прибавляется, что и между православными русинами есть враги своего народа. Как связать это с предыдущим? Значит, по вероисповеданию и по языку нельзя русинскому народу различать врагов от друзей. Зачем же львовское «Слово» на каждой строке твердит русинскому народу: «считай своими врагами всех поляков, считай своим другом каждого русина», — зачем оно внушает русинскому народу эту фальшь, против которой само свидетельствует в забывчивости?

Мы видим также, что много богатейших панов в Галиции — чистые русины; это засвидетельствовано самим львовским «Словом». Если оно хочет быть представителем интересов русинского народа, пусть оно спросит у русинов, меньше ли, чем польские панны, брали повинностей эти русинские панны, больше ли польских панов они сделали уступок русинскому народу, — короче сказать, лучше ли было русинскому поселянину у русинского пана, чем у польского? Слышали мы свидетельство об этом от человека, не слишком любившего льстить полякам, от человека, имя которого драгоценно каждому малороссу, — от покойного Шевченко. (Впрочем, львовское «Слово», быть может, не признает Шевченко своим человеком: ведь он — не русин и в львовском «Слове» наверное не стал бы лисать.) [Он свидетельствовал нам, что панны из малороссов далеко уступают панам из поляков

справедливостью и человечностью в обращении с поселянами. Этот отзыв прекратил для нас возможность смотреть на отношения поляков к малороссам теми глазами, какими смотрит львовское «Слово». Он окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она.

В землях, населенных малорусским племенем, натянутость отношений между малороссами и поляками основывалась не на различии национальностей или вероисповеданий; это просто была натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. Большинство помещиков там поляки, потому недоверие простолудинов к полякам — просто недоверие к помещикам. Когда малороссы говорят о панах, они только забывают прибавлять, что в числе панов есть и малороссы, потому что этих панов малороссов гораздо меньше, чем поляков. Но к этим панам их отношение точно таково же, как и к польскому большинству панов. Различие национальностей не делает тут никакой разницы. О чувствах и поступках польских панов относительно поселян разных племен надобно сказать точно то же, что о чувствах малорусских поселян к панам разных племен: различие национальностей и тут не производит никакой разницы в отношениях. От польского поселянина польский пан требовал несколько не меньше, чем от малорусского поселянина; ни в одном из тех облегчений, какие он сделал или соглашается сделать польскому поселянину, он и не думает отказывать малорусскому поселянину. Тут дело в деньгах, в сословных привилегиях, а несколько в национальностях или вероисповедании. Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу; если была она дурна прежде, она была для обоих одинаково дурна: на сколько становится или станет она лучше для одного из них, ровно на столько же и для другого.

Ничего этого не понимает львовское «Слово». Ему не то неприятно, что поселянам было тяжело; ему неприятно лишь то, что большинство панов говорило не малорусским языком. Оно не понимает, что малорусскому поселянину не было бы ни на волос легче, если бы все паны в Малороссии были малороссы, — напротив было бы малороссу тяжелее от этого, как свидетельствовал нам Шевченко. Мы знаем, что очень многие из образованных малороссов и кроме помещиков малороссов не захотят признать этого мнения за истину: она противоречит национальному предрассудку, потому многими будет отвергнута, по крайней мере, на первый раз. Но никакие голословные возражения не поколеблют нашего мнения, опирающегося на такой авторитет, как Шевченко. Не опровергать наши слова мы советуем друзьям малорусского народа, а призадуматься над ними и проверить их фактами. Факты подтверждают их, мы в том уве-

рены, потому что Шевченко чрезвычайно хорошо знал быт малорусского народа. Опираясь на этот непоколебимый авторитет, мы твердо говорим, что те, которые захотели бы говорить противное, ослеплены предрассудком, и что малорусский народ ничего, кроме вреда, не может ждать себе от них.]

За статью, содержание которой мы разобрали, следует в прибавлении к 2-му № «Слова» сказка в народном духе с разными прибаутками. Сказка говорит следующее: Жил у мужика в избе уж, от которого было в доме мужика счастье и изобилие; за то мужик кормил ужа молоком. Разбогатеv по милости ужа, мужик стал пренебрегать ужом и даже хотел убить его; но убить не успел, а лишь отрубил ему хвост. Уж бросил мужика. Пошла на мужика беда за бедой. Он разорился. Думал, думал о причинах бед — и понял, наконец, что все беды от его ссоры с ужом. Пошел он к норе ужа предлагать ему возобновление дружбы. Уж отвечает: «А нет ли у тебя под полой топора? Я тебе не верю и обойдусь без молока, которое ты мне предлагаешь». Сказка известная и очень хорошая. Только каков же смысл ее? По мнению львовского «Слова», вот что следует из сказки: «Вот так теперь говорят ляхи: «не сердитесь на нас, русины, мы вас любим». А мы, русины, не верим, — смотрим, нет ли у них в руках топора. Ох, мои милые, так! спрятан у них под полой топор!» Так говорит львовское «Слово». А мы говорим: львовское «Слово» жлет, — в сказке этого нет, в сказке не то. Разве хотел мужик бить ужа, когда пришел к нему мириться? Нет, не бить он его хотел, а любить. Разве обманывал он его, когда обещал ему давать молока? Нет, не обманывал. Мужик был уже научен опытом, и ни за что не поссорился бы вновь с ужом. Уж сделал глупо, не поверив мужику. Вот чему учит сказка.

[Мы начали статью тем, что будем говорить исключительно о галицийских русинах, и действительно имели в виду только их во все продолжение статьи. Она относится исключительно к делам Галиции. Судьба остальной части малорусского племени устроена и обеспечена так превосходно, что об этой остальной части нам нечего заботиться, да и сама она не чувствует нужды иметь о себе никаких забот. Нашим русским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их обидеть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко. Вероятно мы не ошибемся, предположив, что даже по мнению львовского «Слова», столь преданного законной австрийской власти над Галициею, галицийские русины должны завидовать счастью своих одноплеменников-малороссов, пользующихся ныне свободою под нашею властью.]